

Ольга Кори

ЗАМУЖЕМ ЗА
ОБОРОТНЕМ

Ольга Кори

Замужем за оборотнем

<https://litres.ru/74214109>

Аннотация

Проснуться в чужом теле и узнать, что ты — жена средневекового барона? Для библиотекаря Анны, привыкшей к одиноким вечерам с книгой, это приятная неожиданность. Особенно когда выясняется, что муж — суровый красавец с опасной тайной, а его лучший друг готов на всё ради её любви. Теперь Анне предстоит не только выжить в Средневековье, но и разобраться со своими чувствами.

Добро пожаловать в короткую любовную историю попаданки! Исполнение желаний, тайны и проклятия, любовь и переживания, и обязательный ХЭ!

Использование легенд и мифов средневековой Европы. Без мата, жести и откровенных сцен.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пролог

Утро понедельника началось как обычно, то есть с мерзкой погоды и опоздания.

Анна влетела в двери библиотеки за пять минут до открытия, на ходу стягивая мокрую куртку. За окном моросил нудный осенний дождь. После ночного бдения в сети хотелось спать. Хорошо хоть, причесаться успела...

— Чёрт, чёрт, чёрт, — бормотала Анна, закидывая куртку на вешалку сушиться.

Одной рукой она уже щёлкала кнопкой электрического чайника, другой — пыталась расстегнуть сумку, зажатую зубами. Сумка не поддавалась. Потеряв терпение, Анна бросила её на бюро и едва не столкнула стоявшую рядом чашку с остатками пятничного чая на клавиатуру.

— Вот чёрт! — вскрикнула она, подхватывая чашку в последний момент. Переставила её на стеллаж, взяла с полки чистую и насыпала туда пару ложек растворимого кофе. На нормальное времени не было. Глаза слипались.

Чайник уже закипал. Анна метнулась к столу, запихнула сумку на тумбочку и упала на колени перед старым стационарником.

— Ну, давай, просыпайся, — прошептала Анна заклинание пользователя, нажимая на кнопку. Системный блок, выдавший виды «старичок», натужно загудел вентилятором и

замигал лампочками, которые располагались у него в самых неожиданных местах.

На экране возникла аватарка бешеной белки из «Ледникового периода» на синем фоне, потом выплыл рабочий стол — там красовалась ветка красного клёна. Пока диск разогнался, Анна стащила ботики и влезла в туфли. Заварила кофе и плюхнулась в кресло.

Telegramм неохотно развернулся. Чаты были забиты сообщениями и рекламой.

«Готовы к встрече?»

«Почему вам не даются большие...»

«Кто жив? Скорее в эфир...»

Она пробежалась по диалогам, лениво отвечая смайликами, и зависла в чате «Автора Тудей». Там обсуждали оборотней в современной литературе. Кто-то кинул ссылку на статью, кто-то спорил о канонах жанра, а одна девушка возмущалась, что «все оборотни теперь какие-то гладкие, как барби, а где звериная сущность?»

— Звериная сущность, — хмыкнула Анна, осторожно отхлёбывая кофе. — Им бы средневековых источников подкинуть, там бы они увидели сущность.

Кофе был слишком горячий. Анна крутанулась в кресле, рассеянно оглядывая стеллажи. Рабочий день только начался, посетителей не было, можно было немного почитать. Кстати, она хотела найти автора одной забавной французской новеллы шестнадцатого века. Одно воспоминание о пе-

сенке про Марго заставляло её улыбаться. Не тот самый ли Келюс её написал? Эти фавориты Генриха Третьего, оказывается, ещё много чего успевали...

Анна поднялась и прошла к стеллажу с иностранной литературой. Взгляд её зацепился за верхнюю полку. Там, выбиваясь из чинного ряда книг, призывно торчал корешок толстого фолианта. Это был сборник легенд раннего средневековья. Собственно легенд там было кот наплакал, зато комментариев от учёных — вагон. Она всё собиралась полистать, но руки не доходили.

— Оборотни, говорите? — Пробормотала Анна. — Сейчас посмотрим...

Она взяла стремянку, подтащила её к стеллажу и полезла наверх.

Стремянка предупреждающе заскрипела. Анна придержалась за полку.

Книга манила. Анна уже коснулась края фолианта пальцами, когда почувствовала, как стремянка дрогнула. Уборщица, видимо, с утра протёрла пол, и плитка была скользкой как опавшие листья на асфальте.

— Твою ж...

Анна не договорила.

Нога соскочила со ступеньки, лестница качнулась, заскрежетала по мокрому полу и сложилась с тоскливым металлическим воплем.

Анна полетела вниз.

Мир перевернулся. Потолок, стеллажи, книги — всё смешалось как в калейдоскопе. В ушах зазвенело, в глазах потемнело.

Последняя мысль, мелькнувшая в голове, была:

«Каску бы!»

Сверху на голову Анны рухнул желаемый том.

Поэмы раннего средневековья.

Готический шрифт.

Темнота.

Глава 1

Сознание возвращалось медленно, неохотно, словно сквозь толщу ледяной воды.

Сначала звук. Потрескивание свечей, чей-то всхлип. Потом сладкий, приторный запах, от которого защипало в носу. Ладан. И ещё что-то... плесень? Я не сразу поняла, что, но внутри всё сжалось.

Я попыталась открыть глаза и обнаружила, что веки словно налились свинцом. Но я себя заставила.

Надо мной нависал каменный свод.

Высокий, сложенный из серых плиток известняка. Сквозь какую-то щель пробивался бледный утренний свет, смешиваясь с дрожащим пламенем десятка свечей.

Где это я? Захотелось оказаться под привычным белым потолком своей московской квартиры. Тем самым, который я три года назад красила сама, стоя на надёжной алюминиевой стремянке, в старых джинсах и в платке, белом от шпатлёвки. Обычный бетонный потолок, который никуда не едет и который ближайшей весной нужно будет помыть.

— Господи, — прошептала я, но губы выдавили только сиплый выдох.

Я попыталась пошевелиться и поняла, что лежу в каком-то странном жёстком корыте, засыпанная холодными ветками, и прямо мне в нос тычутся лепестки вонючих ли-

лий. Я же купила новый ортопедический матрас всего полгода назад! И что, опять буду спать без него?

Откуда-то сбоку раздалось испуганное:

— Госпожа? Госпожа, вы очнулись?

Я повернула голову — шея слушалась с трудом, словно онемевшая. Рядом с моим корытом стояла девушка в тёмно-сером платье, подпоясанном верёвочкой, и в белом полотняном чепце. Лицо у девушки было белое почти как чепец, глаза — по пять копеек, и она мелко-мелко крестилась.

— Матерь Божья, Пресвятая Дева... — бормотала она, пятясь. — Чудо... истинное чудо...

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри поднимается ледяная волна паники. Платье. Свечи. Каменный свод. И девушка, одетая как персонаж исторического фильма. Только это явно не кино.

— Где я? — спросила я, на этот раз громче, и села.

И замерла.

Я сидела в гробу, укрытая тяжёлой тканью с золотым шитьём и засыпанная какими-то ветками и стеблями. Вокруг в подсвечниках горели свечи — десятка два, не меньше, оплывшие, с длинными почерневшими фитилями.

Я разгрёбла ветки и опустила глаза.

На мне было платье. Я таких даже в кино не видела, только на картинках. Плотный синий шёлк расшит золотой нитью. Узоры — стилизованные листья и цветы — переливаются в мягком свете свечей. Рукава широкие, края отделаны мехом

— что-то тёмное, пушистое и явно недешёвое. Неплохо для начала.

Подняла руку и посмотрела. Рука явно не моя: пропал шрам от серпа, который я заработала на даче, кося траву. Вместо шрама на гладком тонком пальце — золотое кольцо. И рядом ещё одно, с красным камнем. Не гранёный, а гладким, как в музейных коллекциях погребальных артефактов. Неужели настоящий рубин?

А на голове... Я подняла руку и нащупала ткань. Покрывало. Тонкое, почти прозрачное, расшитое по краю жемчугом, оно закрывало волосы, спадая на плечи. Я дёрнула его — пришито? Приколото? Чёрт, как это снимается?

— Госпожа, — зашептала девушка, приближаясь, — может, лекаря позвать? Вы же три дня... три дня как мёртвая лежали. Господин барон уехал, думал, вы... думал, конец. А вы живы!

Три дня. Мёртвая. Барон уехал.

Слова падали в сознание, как камни, и от каждого расходились круги. И вместе с ними приходило что-то чужое.

Воспоминания.

Конюшня. Ночь. Запах сена и навоза. Полосы лунного света на полу. И ОН.

Огромный волк. Серый, лохматый, с глазами, горящими жёлтым огнем. Он тяжело дышит, чуть ли не рычит, из пасти капает слюна. Лошади мечутся, бьют копытами, храпят от ужаса.

А потом он начинает меняться.

Хруст костей, выворачивающиеся суставы. Шерсть, втягивающаяся под кожу. Морда, укорачивающаяся, превращающаяся в человеческое лицо. И глаза — всё ещё горящие яростью, но уже человеческие.

И вот посреди конюшни стоит мужчина. Нагой, мускулистый, красивый, с густыми тёмными волосами.

— Теперь ты знаешь мою ношу, дорогая, — говорит он, прикрываясь рубахой, сорванной с ближайшего гвоздя. — Я проклят, Элеонора. Но перед тобой — я только твой муж.

Я (то есть она) молчу. Смотрю на него и чувствую не страх. Пустоту. Холодную, бесконечную пустоту.

Воспоминания плывут перед глазами: отец, считающий монеты, которые привёз посредник Теодора. Мать, шепчущая: «Он богат, доченька, ты будешь счастлива». Свадьба, где она чувствовала себя товаром, выставленным на торжище. Первая брачная ночь — его неуклюжая нежность, её опеменение. Одиночество, пока он воюет где-то далеко. Его редкие возвращения — каждый раз она молилась, чтобы он не приходил к ней.

Сердце Элеоноры остановилось. Не от ужаса — от безнадёжности.

А теперь я, Анна, смотрела на это чужими глазами и думала: бедная девочка. Её не монстр убил. Её жизнь убила. Мужик — красивый, богатый, к ней со всей душой — а она не смогла. Потому что эту жизнь ей навязали, как кабалу.

Ну а я? Я смогу. Я проживу эту жизнь за нас обеих.

— Ох, — выдохнула я, хватаясь за голову. — Ох, мамочки...

— Госпожа, что с вами? — подскочила девушка.

Я подняла на неё глаза.

— Жанна? — имя всплыло само собой, вместе с тёплым чувством узнавания. Её звали Жанна, она была со мной с детства.

— Я здесь, госпожа! — Жанна схватила меня за руку. — Я здесь, не бойтесь!

— Я не боюсь, — сказала я, садясь ровнее и оглядывая часовню уже осознанно. — Я... я просто хочу понять, где я и как сюда попала.

— Вы в замке Лувье, госпожа, в часовне Святой Анны, — затараторила Жанна. — Вас положили здесь три дня назад. Господин барон уехал в тот же день — его король вызвал.

Барон де Лувье. Муж. Оборотень.

А мама думала, что с книжками её дочке будет безопаснее...

Я — Анна Горбунова. Тридцать два года, библиотекарь. Потому что мама решила, что так надёжнее. Десять лет назад закончила университет и перебираю карточки книг, а не картотеку преступников, как мне всегда хотелось. Живу одна. Даже кошку Муську пришлось отдать соседке, чтобы не скучала без меня, пока я на работе. Никогда не была замужем, потому что все мужики козлы. И вот теперь оказалась

в теле жены барона-оборотня. И не как следователь, а как участник и, можно сказать, жертва.

— Господи, — выдохнула я. — Надо было пить спокойно свой кофе и не лазать по стремянкам.

— Госпожа? — Жанна смотрела на меня с тревогой. — Вы говорите странное...

Я оглядела себя. По счастью, новое тело само превращало мои мысли в связные звуки, так что проблем в общении не возникало. То, что Жанна мне говорила, тоже было интуитивно понятно.

— Жанна, мне нужно другое платье. Это... Я не могу в этом ходить.

— Другое, госпожа? — Жанна округлила глаза. — Но это платье — лучшее! Шёлк для него привезли из Византии, специально для...

— Жанна, — перебила я, стараясь говорить спокойно. — Оно тяжёлое, холодное и пахнет смертью. Я хочу для жизни.

Жанна замерла на секунду, переваривая, потом часто закивала:

— Да, госпожа, конечно! Только... какое? У вас есть повседневные, шерстяные... Для дома или для выхода?

— Для дома, — отрезала я. — И сними с меня это покрывало. Я чувствую себя... словно я монашка.

Жанна всплеснула руками:

— Госпожа, но замужней женщине нельзя без покрывала! Это неприлично!

— Жанна, — я посмотрела на неё максимально серьёзно.
— Я только что воскресла из мёртвых. Думаешь, меня волнуют приличия?

Девушка прикусила язык и принялась откалывать золотые шпильки, которыми покрывало крепилось к моим волосам. Через минуту я наконец вздохнула свободно — волосы рассыпались по плечам, и это было невероятное облегчение.

— Беги, — сказала я. — Я жду.

Жанна вылетела из капеллы, приподняв свои юбки, и я осталась одна.

Замужняя женщина. Получается, я успешно проскочила свадьбу и первую брачную ночь. Ну а раз ничего в голове не тикает, значит, в тот момент у Элеоноры было всё хорошо.

Я огляделась внимательнее. Часовня была небольшой, но богато убранной. Из ниш выглядывали статуи. Деревянные, грубоватые, яркие — синие и красные одежды, золотые нимбы. Все с книгами. Похоже, евангелисты. Над алтарём возвышалось деревянное распятие. Нарядное, покрытое золотом, с вставками из драгоценных камней. Христос был вырезан схематично, но красиво. Он грустно висел на кресте, изящно раскинув руки, и в пламени свечей казалось, что он спит. Выглядело всё весьма мило. Если это европейское средневековье, то раннее.

Я оглядела себя ещё раз. Платье знатной дамы. На талии пояс из позолоченной кожи с тиснением. Под верхним платьем ещё одно, из тонкой шерсти, тёмно-синее. Ещё ниже

— рубашка из льна. Никаких корсетов, слава Богу. Но как теперь без любимых тёртых джинсов и футболки, в которых я красила потолок? Я их больше не увижу? Ни джинсов, ни потолка?

Хватит ныть, пора оживать. Не ждать же теперь в этом корыте Конца света. Я села, раздвигая ветки и отбрасывая стог из вялых лилий. Платье было длинным, до пят. Осторожно спустила ноги через низкий бортик и обнаружила, что на мне ещё и белые тапочки. Узкие бархатные туфли, расшитые бисером, на тонкой кожаной подошве. Ноги в них затекли, пальцы онемели. Просто балерина на пуантах перед выступлением в Большом театре. Ну да, я ведь считаю себя умершей. Зачем мне что-то удобное?

Нога коснулась пола, и холод мгновенно пробрал до костей. Эти тапочки слишком тонкие. На каменном полу в таких не походишь — ноги замёрзнут. Но меня и не рассчитывали в них прогуливать.

— Ну и ну, — прошептала я. — Вот я попала.

Я встала, придерживаясь за край корыта, и сделала шаг. Платье тяжело колыхнулось, юбка заметалась вокруг ног. Ещё шаг. Длинный шлейф волочился по камню, собирая пыль. Никогда не любила эти юбки, и вот на тебе...

Напоследок я обернулась и убедилась, что действительно, проснулась в гробу, весьма красиво убранном увядшими цветами. Про то, что случилось бы, очнись я после погребения в фамильном склепе, думать не хотелось.

Я доковыляла до небольшого узкого окошка с толстой решёткой.

Передо мной раскинулся двор — мощёный, с сараями, колодцем и кузницей. По двору сновали люди, все в простых одеждах, как на Жанне. Женщины толпились у колодца, мужчины таскали какие-то мешки, кудахтали куры. Обычная жизнь средневекового замка. По счастью, замка мирного.

— И то хорошо, — выдохнула я. — Но что дальше?

В голове крутились обрывки историй про попаданок. Что делают героини в таких ситуациях? Собирают информацию, не паникуют.

Легко сказать не паникуй.

Только что я была простым библиотекарем, у которого единственный острый момент в жизни — когда читатель требует книгу, которую только что сдали, и ещё не успели поставить на место.

А теперь я — жена барона-оборотня, и мой муж вот-вот вернётся и обнаружит, что его мёртвая жена ни с того ни с сего воскресла.

— И что я ему скажу? — прошептала я. — «Привет, я твоя жена, но не совсем, потому что настоящая умерла от страха, а я тут случайно попала из другого времени»?

Дверь часовни отворилась. Появилась Жанна, нагружённая ворохом вещей.

— Госпожа! Я принесла! Платье домашнее, тёплое! И чул-

ки, и туфли на меху! И накидку!

Я улыбнулась.

— Спасибо, Жанна. Помоги мне переодеться. И расскажи. Кто я, кто мой муж, что здесь происходит. А то я кое-что забыла.

Жанна закивала, и через минуту мы уже возились с завязками.

— Госпожа, — зашептала она, ловко распуская шнуровку на моей спине, — а вы правда ничего не помните?

— Помню, но не всё, — осторожно ответила я.

— Ох, госпожа, — Жанна вздохнула. — Вы Элеонора де Лувье, урождённая де Монсё. Вас выдали замуж за барона Теодора Ле Грийе полгода назад. Господин барон — славный воин, верный человек короля, любит вас без памяти. Только вот...

Она запнулась.

— Что? — насторожилась я.

— Только вот, — Жанна понизила голос до шёпота, — говорят, с ним нечисто. Что он в лес уходит в полнолуние и возвращается сам не свой. Слуги боятся, шепчутся. Но вы не верьте, госпожа! Он добрый, справедливый...

Я молчала, переваривая информацию. Значит, всё правда. Оборотень. Проклятие.

— Жанна, — спросила я, когда траурное платье оказалось лежащим в гробу, но уже без хозяйки. — А ты меня не боишься? Я же три дня лежала как мёртвая.

Жанна перекрестилась и посмотрела на меня с таким обожанием, что стало неловко:

— Госпожа, да вы же святая! Вас сам Господь воскресил! Как можно бояться святую?

— Давай одеваться, — вздохнула я. — И пойдём отсюда, пока я совсем не задохнулась.

Наконец, упакованная в домашнее шерстяное платье, в тёплых чулках и удобных кожаных туфлях, я вышла из тёмной часовни в новый мир.

В мир, где я — жена оборотня.

Дверь часовни открывалась в длинный коридор. Я сделала шаг — и замерла.

Глава 2

Коридор был полон людей.

Они стояли вдоль стен, сбившись в кучки, и все смотрели на меня. Стражники в кольчугах, женщины с бледными лицами, дети, старуха с ключами на поясе — наверное, экономка.

И молчали.

Я удивлённо моргнула. Взмахнула длинными ресницами. И тишина как взорвалась.

Кто-то пронзительно вскрикнул. Молоденькая служанка отшатнулась и наткнулась на стоящего сзади стражника, тот выронил копьё, и металл с грохотом ударился о камень. Старая экономка истово крестилась.

— Матерь Божья... — прошелестело по коридору. — Матерь Божья, спаси и сохрани...

Несколько человек попятились к выходу. Кто-то, наоборот, шагнул вперёд, вытягивая шею, чтобы лучше меня рассмотреть. Двое стражников схватились за мечи — чисто рефлекторно, я видела, как тряслись их руки.

— Ожила? — выдохнул кто-то.

— Госпожа, — прошептала экономка, и голос её дрожал. — Госпожа Элеонора, это вы?

Я стояла и смотрела на этих людей — испуганных, растерянных, не знающих, радоваться им или бежать. Они успели

привыкнуть к мысли, что меня уже нет. А теперь я стою перед ними — живая, в домашнем платье. И моргаю.

— Это я, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Настоящая. Я не призрак.

Маленький мальчик лет пяти, выскочивший откуда-то из-под локтя матери, вдруг закричал на весь коридор:

— Смотрите, госпожа жива! Она ходит!

И этот детский крик словно прорвал плотину.

— Госпожа! — запричитала экономка и рухнула на колени. — Госпожа Элеонора, вы живы!

За ней начали падать остальные. Кто-то плакал, кто-то крестился и бормотал молитвы.

— Чудо! Чудо Господне!

— Воскресла! Истинно воскресла!

— Госпожа Элеонора, как мы рады...

Я стояла, чувствуя, как коридор расплывается перед глазами. Ещё недавно я была обычным библиотекарем Аней, а теперь незнакомые люди стояли передо мной на коленях.

— Встаньте, — сказала я, и голос дрогнул. — Ну встаньте, пожалуйста...

Никто не вставал. Ко мне тянули руки, пытались коснуться края платья. Молоденькая служанка, та самая, что сначала вскрикнула от ужаса, теперь рыдала в голос.

— Госпожа Элеонора, вы живы! А мы так плакали...

Я оглянулась на Жанну. Та стояла бледная, но с какой-то странной гордостью на лице — словно это она меня воскре-

сила.

— Жанна, — зашипела я, — сделай что-нибудь!

Жанна шагнула вперёд и зычным голосом, которого я в ней не подозревала, рявкнула:

— А ну встаньте! Не пугайте госпожу! Она только с ложа смерти, ей покой нужен, а они тут с рёвом!

Это подействовало. Люди начали подниматься, утирать слезы, переглядываться. Но глаз с меня не сводили.

Матушка Берта — память Элеоноры подсказала, как зовут экономку, — подошла ближе, всё ещё всхлипывая, и вдруг поцеловала мою руку.

— Госпожа, — прошептала она, — я вас уже схоронила, думала, не переживу. А теперь вы живая. Спасибо вам. Спасибо, что вернулись.

Я смотрела на эту старую женщину, чувствуя, как по щекам текут слезы, и ничего не могла с собой поделать.

— Я вернулась, матушка Берта, — сказала я.

Она кивнула, утёрла глаза фартуком и отошла.

Я перевела дух и обратилась к собравшимся:

— Спасибо вам... спасибо, что молились. Я... я правда жива. И мне очень нужно... мне нужно подышать воздухом.

Люди закивали, заулыбались сквозь слезы.

— Идите, госпожа, идите, отдохните.

— Святой водой бы её окропить на всякий случай... — шепнул кто-то, но я сделала вид, что не слышала.

Жанна взяла меня под руку.

— Пойдёмте в сад, госпожа, — сказала она тихо. — Там вас никто не потревожит.

Мы вышли во двор. Солнце поднималось над замком, и я почувствовала, что оно действительно греет. Не московское, бледное, сквозь тучи, а настоящее, щедрое, всё ещё горячее. Пахло зеленым, цветами и ещё чем-то неуловимо сладким, отчего хотелось дышать глубже.

— Госпожа, — робко спросила Жанна, когда мы вошли в сад. — Вы без покрывала... люди будут шептаться...

— Жанна, — ответила я, — я только что воскресла. Пусть себе шепчутся.

Сад оказался небольшим, но ухоженным — ровные дорожки, стриженные кусты, несколько фруктовых деревьев. Розы всё ещё цвели — бледно-розовые, с лёгким тонким ароматом. Я остановилась у одного куста, наклонилась, вдохнула.

— Красиво, — выдохнула я. — У нас такие только в ботаническом саду.

Мы пошли по дорожке. В дальнем конце виднелась каменная скамья. Я села на скамью, Жанна пристроилась рядом на траву — видимо, присесть рядом с госпожой считалось неприличным. Ну и ладно, мне так даже удобнее.

— Жанна, объясни мне про волосы. Почему их надо прятать?

Жанна округлила глаза.

— Госпожа, вы забыли? Волосы — это женская красо-

та, соблазн. Замужней женщине соблазнять чужих мужчин нельзя, вот волосы и прячут. Только муж видит.

— А если муж в отъезде? — усмехнулась я.

— Всё равно нельзя, — Жанна покачала головой. — Сглазят ещё, или хуже того — польстятся.

Я вспомнила книги, где сюжет крутился вокруг таких вот странных запретов. Женщина без покрывала — почти что публичная женщина. С ума сойти.

— А причёски? — спросила я, трогая свои длинные золотистые локоны. Всегда мечтала о хороших волосах. — Ведь такие длинные волосы лучше как-то убирать.

— Конечно, госпожа, — Жанна оживилась. — Можно две косы заплести и уложить вокруг головы, сверху покрывало или вуаль. Можно одну косу и на неё чепец. А на праздники волосы укладывают валиками, вплетают ленты, жемчуг...

— И сколько это занимает времени? — спросила я, чувствуя, как мои собственные волосы на голове шевелятся от ужаса.

— Если не торопиться — часа полтора, — беззаботно ответила Жанна. — А если с украшениями, то и все два.

Я представила, как каждое утро трачу полтора часа на причёску. Я, которая в своей прошлой жизни вставала за двадцать минут до выхода и красила глаза в лифте, потому что дома уже не успевала.

— Жанна, — сказала я твёрдо, — давай договоримся. На праздники плети что хочешь. А по будням достаточно про-

стой косы. Я лучше посплю лишний час.

— Госпожа! — Жанна всплеснула руками. — Но так же нельзя!

— Можно, — отрезала я. — Я же воскресшая. Мне можно.

Жанна вздохнула, но спорить не решилась. Я прямо видела, как в её голове крутится мысль: «Госпожа после смерти странная стала». Ну и ладно. Странная так странная.

— Жанна, — спросила я, глядя на розы, — расскажи о моём муже. Какой он?

Жанна задумалась, подбирая слова.

— Господин Теодор... он хороший, госпожа. Справедливый. Слуги его уважают. С врагами смелый, говорят, в бою равных нет. Король его ценит, всегда к себе зовёт.

— А со мной? — спросила я осторожно. — Как он со мной?

— Ох, госпожа, — Жанна улыбнулась. — Он вас любит. Глаз не сводит. Подарки дарит, украшения. Всё для вас. Когда вы заболели — сам не свой ходил, врачей созвал, в часовне молился ночи напролёт. А когда у вас сердце остановилось... я думала, он умрёт следом.

Я молчала, переваривая. Значит, любил. По-настоящему. Уехал, считая жену мёртвой. Уехал выполнять свой вассальный долг. Или просто бежал от места, где его супруга умерла от страха перед ним. Мне стало его искренне жаль. Каково это — любить и видеть, как любимая умирает от одного

взгляда на тебя? Каково это — нести тело жены в фамильный склеп, зная, что ты сам — причина её преждевременной кончины?

— О чём вы думаете, госпожа?

— О жизни, Жанна. О том, что мне теперь со всем этим делать.

Она вздохнула и прижалась головой к моей руке, как кошка, ищущая ласки.

— Всё будет хорошо, госпожа, — прошептала она. — Вы же святая. Господь вас воскресил — значит, для чего-то.

Я погладила её по голове. Глупая, милая, преданная Жанна. Если бы всё было так просто.

В этот момент раздался хруст гравия. Я подняла глаза и замерла.

Передо мной стоял рыцарь. Настоящий, как в романах Вальтера Скотта. Высокий, светловолосый, с глазами цвета утреннего неба. На нём был широкий дорожный плащ, кольчуга, на украшенном бляхами поясе приторочен длинный меч. Он смотрел на меня так, словно увидел призрака.

— Элеонора? — голос его дрогнул. — Элеонора, это... это правда вы?

Я замерла. Рыцарь. Вооружён и очень опасен. А у меня даже нет под рукой тяжёлой энциклопедии, чтобы его вырубить. Но у меня есть другое оружие. Только что использовала. И я захлопала ресницами.

— Вы живы, — выдохнул он. В его голосе слышалось об-

легчение. И, как ни странно, сожаление.

Жанна вскочила.

— Господин Рене! Госпожа... госпожа только очнулась, мы не ждали гостей...

Но он не слушал. Шагнул ко мне и упал на колени, как перед святыней.

— Мне только сегодня сказали, что вы умерли, — выдохнул он. — Я молился, чтобы успеть на погребение, чтобы проститься... и вот. Я здесь. А вы...

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри всё переворачивается. Чужие эмоции — не мои, Элеоноры. Любовь. Тоска. Боль. И счастье, что он здесь.

Но я — не Элеонора. Я Анна. И я смотрю на этого красивого мужчину и вижу не любовь всей жизни, а возможность.

Средневековый мир жесток. Здесь нет скорой помощи и никаких социальных гарантий. Есть только сила, связи и верность. А мужчина, который любит женщину, способен на многое. Рене де Мотонкур мог стать моим щитом.

— Рене, — сказала я тихо, — Мой супруг уехал. Я... я боюсь.

Он осторожно взял мою руку в свои ладони. От этого невинного прикосновения по телу Элеоноры пробежала дрожь. Похоже, она давно мечтала прикоснуться к Рене, но не могла.

— Вы боитесь? Чего? — в его голосе звучало желание. Обычное мужское желание быть сильным и нужным.

— Всего, — честно ответила я. — Я чуть не умерла. Это было так ужасно... И теперь люди смотрят на меня как на привидение.

— Я здесь, — быстро сказал он. — Я готов защищать вас. Одно ваше слово, и я... Я никому не позволю вас обидеть.

Я сделала вид, что задумалась. Потом подняла на него глаза — и позволила себе улыбку, которую Элеонора приберегала для особых случаев.

— Приезжайте завтра, — сказала я тихо. — Просто... навестить больную. Вы же... — я взмахнула ресницами, — друг семьи.

Поддействовало. Его глаза загорелись, словно там зажгли факелы.

— Вы... вы хотите, чтобы я приехал? — уточнил он неверяще. И правда, я же замужем за другим. Но...

— Да.

Рене посмотрел на меня так, как будто я сообщила о выигрыше в лотерею. Скулы его заалели румянцем. Впервые вижу, чтобы мужчина краснел.

— Я приеду, — выдохнул он. — Завтра. С утра.

— Не с утра, — улыбнулась я. — С утра я буду спать. После полудня.

— После полудня, — повторил он, как заклинание. — Я буду ровно в полдень.

— Договорились.

Он пружинисто поднялся, поклонился — низко, с ка-

кой-то особенной грацией, — и пошёл к выходу из сада. На полпути обернулся, улыбнулся счастливой, мальчишеской улыбкой и почти побежал к своей лошади.

Я осталась сидеть на скамье, глядя ему вслед. Лицо горело от румянца волнения. Я только недавно вылезла из гроба, ещё не разобралась со всем толком, и уже ухитрилась договориться о свидании с красивым парнем.

Жанна осторожно спросила:

— Госпожа... вы что, будете принимать господина Рене? Без мужа? Один на один?

Я осмотрелась. Да, это ведь Средние века. С первым встречным не пофлиртуешь. Да и опасно это. Но Рене — он свой, знакомый. И влюблённый.

— В саду, Жанна. При тебе. Это не один на один.

— Но всё равно... — она замялась. — Это неприлично.

— Жанна, — я строго посмотрела на неё. — Мне нужно выжить. А господин Рене — мой друг. Он поможет.

— Поможет в чём?

— Во всём, — вздохнула я. — Пока не вернётся муж.

Жанна покачала головой.

— Госпожа, вы изменились. Раньше вы никогда не говорили так откровенно.

— Раньше... — я вздохнула. Хорошо, что Жанна ко мне расположена. Плохо, что в замке много слуг, и резкие перемены все заметят. Надо быть осторожнее. — Я чуть не умерла. И решила больше ничего не откладывать на потом.

— Вы стали такая смелая... Или безумная. Я не пойму.

— И то, и другое, — усмехнулась я.

Что я творю? Сама не знаю. Но книги меня учили: в критической ситуации главное — не терять голову и искать союзников. Рене — союзник. Теодор — неизвестность.

А пока неизвестность не вернулась, надо пользоваться тем, что есть.

Глава 3

После встречи с Рене я чувствовала себя так, словно пробежала марафон. Ноги дрожали, в голове шумело, а щёки пылали от воспоминания о его взгляде — том самом, обожающем, от которого у Элеоноры внутри всё переворачивалось.

— Госпожа, вам бы отдохнуть, — Жанна участливо заглядывала мне в лицо. — Вы же только с ложа смерти, а тут такие волнения...

— Отдохнуть, — повторила я как заведённая. — Да, Жанна. Ты права. Проводи меня в опочивальню.

Мы отправились в замок. Пройдя длинную галерею, поднялись по каменной лестнице, и Жанна распахнула передо мной тяжёлую дубовую дверь.

— Ваша комната, госпожа.

Я шагнула внутрь и чуть не закричала.

Интерьер средневековья впечатлял.

Большая комната с высоким сводчатым потолком, по размерам со всю мою московскую квартиру. Узкие окна-бойницы, сквозь которые прорывается солнечный свет. Уже не летний, а осенний, но от этого не менее яркий. И в этом свете — мебель, как в музеях, но новая, как из магазина.

Посреди комнаты — огромная кровать под балдахином, больше похожая на рыцарский шатёр возле турнирного по-

ля. Тяжёлые дубовые столбы поддерживают массивное перекрытие, с которого свисают плотные занавеси тёмно-синего цвета. Постель укрыта стёганным одеялом. Подушки расшиты яркими восточными узорами.

У стены — огромный сундук, окованный железом. Рядом — массивный дубовый стол на резных ножках, покрытый скатертью с восточным орнаментом. На столе — серебряный подсвечник со свечой, глиняный кувшин и таз для умывания.

Белёные стены завешаны гобеленами, изображающими обычные для Европы темы — рыцари, война и охота. Олень, преследуемый собаками, разодетые всадники, дама в саду, окружённая деревьями и цветами. Яркие, простые, напоминающие гобелены из Байе. Сюда бы моих подружек, любительниц реконструкции — вот они бы порадовались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.